

Инородческие заговоры: поляки, евреи, немцы и украинцы в представлениях русских националистов начала XX века

Джованни Савино

Профессор, Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС). Адрес: 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: giov.sav@gmail.com.

Ключевые слова: русский национализм; Российская империя; национальная идентичность; теория заговора; «Окраины России».

На рубеже XIX–XX веков значительную роль в системе межнациональных и социальных отношений в Российской империи начали играть процессы национального самосознания и проекты культурной гегемонии. Уже в 1870-х годах начались первые попытки «русификаций», когда в Императорском Варшавском университете начали читать курсы на русском языке, а к преподаванию приступили ряд историков и филологов с антипольскими взглядами. В числе последних были Антон Будилевич, Платон Кулаковский и Иван Филевич. Видный славист и активный участник панславянского движения, Будилевич в 1881 году возглавил историко-филологический факультет Варшавского университета, где создал кружок ученых-националистов. Его роль в процессе русификации еще больше возросла в период ректорства в Варшаве с 1890 по 1892 год и потом в Юрьевском университете, где с 1892 по 1901 год он продолжил политику русификации преподавания.

Вокруг Будилевича сформировался круг ученых, настаивающих на примате русских интересов в научной и ежедневной жизни западных окраин Российской империи. Все это происходило на фоне роста влияния в Прибалтике и в юго-западных провинциях польских и немецких элит, национальные проекты которых могли стать угрозой для империи. Основание осенью 1900 года первой русской националистической организации, Русского собрания, было направлено и против «инородческого» сепаратизма. В числе первых членов собрания кроме Будилевича были историк из Финляндии генерал Михаил Бородин, юрист Николай Сергеевский и др. Эти деятели открыли Окраинный отдел Русского собрания для изучения национальных окраин империи и борьбы с сепаратизмом. Будилевич и его коллеги оказали влияние и на другие общества, которые внесли большой вклад в создание понятия «русскости» в языке русского националистического движения.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ проблема русского национализма как независимой силы в поздней Российской империи приобрела особое значение в дискуссиях последних лет. Работа Даниила Коцюбинского, посвященная формированию Всероссийского национального союза и его идеологии, демонстрирует роль интеллектуальных кругов в создании националистической партии правоконсервативного направления¹. Аспекты просветительской и культурной деятельности этих кругов рассматривались и в других публикациях, посвященных истории правоконсервативного движения и черносотенства, но внимание при этом уделялось преимущественно политическим аспектам.

Существует распространенное мнение о том, что программа русского национализма заключалась в проекте преобразования империи в национальное государство; данная гипотеза подтверждается различными исследователями. Зачастую этот тезис уходит корнями в источники тех времен, когда националистические публицисты и интеллектуалы использовали термин «Российское царство», чтобы обозначить первенство русского народа и русских интересов в империи. Надо заметить, что в таких проектах никогда не рассматривался вариант разрушения империи, несмотря на противоречия. Как отмечает Алексей Миллер, определение национализма в понимании Эрнеста Геллнера в случае России неприменимо. Причины этого кроются в отличиях «русского» национализма от «классического» национализма XIX века, моделями для которого послужили итальянское, польское и немецкое движения (гомогенные нации, проживающие на компактной территории²). В империи задача консолидации нации не означала автоматического разрушения имперского строительства, а наоборот, как будет показано далее в статье: по мнению русских

1. Коцюбинский Д. И. Русский национализм в начале XX столетия. М.: РОССПЭН, 2001. С. 30–33.
2. Следует заметить, что идея «одна нация — одно государство», которую продвигал Джузеппе Мадзини, далека от реальности: например, в Италии в 1861 году только 22% населения могли понять итальянский язык.

националистов, укрепление ядра означало укрепление империи³. Эти противоречия были очевидны в национальной политике, проводимой чиновниками, которые опасались слишком активно использовать националистические элементы⁴. Как показывает сюжет из жизни Юрия Самарина, связанный с развернувшейся полемикой по поводу его писем из Риги⁵, баланс сил разных национальных элит в империи был важнее принятия однозначного политического курса.

«Пространство империи» между Европой и Азией и его разнообразие, «нация и империя», «ядро и окраины», «национальное самосознание» и «имперские задачи» — такие слова можно встретить и в журнале «Окраины России», и в сочинениях его сотрудников. Данные понятия составляли важную часть культурно-политического дискурса того времени. Понятие «воображаемого сообщества» Бенедикта Андерсона поможет пролить свет на процесс развития идеологии националистов, сотрудничавших с редакцией журнала «Окраины России»:

Национальность — или, как было бы предпочтительнее сформулировать это понятие в свете многозначности данного слова, *национальность* (*nation-ness*), — а вместе с ней и национализм являются особым рода культурными артефактами. И чтобы надлежащим образом их понять, мы должны внимательно рассмотреть, как они обрели свое историческое бытие, какими путями изменялись во времени их смыслы и почему сегодня они обладают такой глубокой эмоциональной легитимностью⁶.

Конечно, воображаемое не означает нереальное,

поскольку члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих собратьев-по-нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности⁷.

3. Российская империя в сравнительной перспективе / Отв. ред. А. И. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 265–266.
4. Miller A. The Romanov Empire and Nationalism: Essays in the Methodology of Historical Research. Budapest: Central European University Press, 2008. P. 4–5.
5. Самарин первым предлагал трансформировать Российскую империю в национальное государство.
6. Андерсон Б. Воображаемые сообщества / Пер. с англ. В. Г. Николаева. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. P. 29.
7. Там же. С. 31.

Что касается журнала «Украины России», то его задача состояла в том, чтобы «воображать» такое сообщество в многонациональной империи: не только многонациональное в смысле народа, а многонациональное в смысле элиты. Остзейские бароны, польские чиновники и другие *master-nations* находились в центре полемики, которая велась редакцией журнала. Надо заметить, что эта борьба за русификацию велась и в защиту интересов русских чиновников, которые начали занимать значимые позиции в системе имперской бюрократии⁸. Важно также подчеркнуть, что право-консервативные интеллектуалы видели в русском национализме элемент защиты от «агрессии инородческих народов». Тем не менее было бы неверно рассматривать этот подход только с точки зрения тревоги, поскольку русские националисты искали свои модели организации, идеологии и развития, обращаясь к опыту западноевропейских стран⁹. Они не только рассматривали немецкую и польскую модели как вражеские, но и обнаруживали в них позитивные примеры в области строения культурной гегемонии, особенно на западных окраинах Российской империи. Рецепция национальных идей из Европы сталкивалась с внутренними проблемами и сложностями при определении различий, а также при использовании разных слов (таких как «племена», «народы», «народности», «нации») для описания этнического состава империи. «Поиск населения» — понятие, которое французская исследовательница Жюльет Кадио использует в своей книге «Лаборатория империи», — является важным предметом для классификации в европейском контексте, а статистика в России становится орудием определения национального состава¹⁰. До и после первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года проводились местные переписи, и не только: уже в первом выпуске «Украин России» была напечатана статья, посвященная переписи 1897 года¹¹, в которой использовались как данные местных переписей, так и материалы исследований. Одним из авторов журнала являлся Иван Филевич, историк и профессор Варшавского

8. Члены редакции занимали и государственные посты. Будилович состоял в совете при Министерстве народного просвещения, Кулаковский был редактором газеты «Правительственный вестник», Сергеевский работал в комиссии по Финляндии.

9. Miller A. The Ukrainian Question: The Russian Empire and Nationalism in the Nineteenth Century. Budapest: Central European University Press, 2003. P. 5.

10. Кадио Ж. Лаборатория империи: Россия/СССР, 1860–1940 / Пер. с фр. Э. Кустовой. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 52–56.

11. Украины России. 05.03.1906. № 1.

университета, который уже в 1900 году работал над сбором материалов по этнографии Холмщины с целью продемонстрировать «русскость» данных территорий¹². Проблема определения и самосознания в западных губерниях часто становилась причиной разделения семьи: отец Ивана Филевича был греко-католическим священником¹³; племянником известного правоконсервативного деятеля и депутата Государственной Думы Василия Витальевича Шульгина был украинский патриот Олександр Шульгин¹⁴. Подобные примеры были достаточно распространены среди окраинных элит.

Вообразить сообщество — значит вообразить территории, на которых существует нация; о воображаемом сообществе также можно говорить, когда национальное движение воспринимает себя через дискурс «почвы и крови». Нынешние украинские и белорусские регионы воспринимались националистами как исконные части Руси. Как и в случае правобережной Украины, местные русскоязычные элиты играли определенную роль при создании русской нации¹⁵. Киев являлся центром этой политической лаборатории, где печаталась газета «Киевлянин», а русский национализм мог рассчитывать на поддержку местной интеллигенции и гражданского общества. Местные националистические интеллектуалы заимствовали стратегии действия напрямую из Европы: Иван Сикорский¹⁶, известный ученый-психолог и активный общественный деятель, эксперт в процессе по расследованию ритуального убийства Андрея Ющинского, придерживался следующей точки зрения:

Национализм и национальное чувство — это закон природы. Каждая раса, каждый народ имеет свой тип, свой комплекс физических и психических особенностей. <...> Природа требует от человека верности его расовым и национальным особенностям и только за эту верность, за эту биологическую добродетель

12. *Филевич И. П.* Программа для собирания сведений по этнографии Холмской Руси. Варшава, 1900. С. 1–3.
13. *Грот К. Я.* Иван Порфиревич Филевич. СПб.: Сенаторская типография, 1913. С. 5.
14. *Hillis F.* Children of Rus': Right-bank Ukraine and the Invention of a Russian Nation. Ithaca; L.: Cornell University Press, 2013. P. 23–25.
15. *Ibid.* P. 12–15.
16. Личность Сикорского и его идеи были исследованы в работе: *Могильнер М. Б.* Homo Imperii. История физической антропологии в России. М.: Новое литературное обозрение, 2008.

награждает народы физическим и душевным здоровьем, последствием которого является многочисленность и величие народа¹⁷.

Против поляков, немцев и евреев: «Окраины России» и национально-имперский проект

Однако Сикорский и его расизм были исключением в период, когда обсуждались критерии определения языка и религии. Мы также будем рассматривать эти аспекты как неоднозначные, поскольку не все православные подданные были русскоязычными, и наоборот. Также следует отметить внимание к языку — общее с Европой, где уже в начале XIX века немецкие филологи исследовали древние языки, такие как санскрит, в поиске «арийских корней».

На рубеже XIX–XX веков в Российской империи процессы национального самосознания и проекты культурной гегемонии стали играть значительную роль в системе межнациональных и социальных отношений. Уже в 1870-х годах осуществлялись первые попытки русификации (хотя это понятие было спорным): в Императорском Варшавском университете стали читаться курсы на русском языке, там начали работать историки и филологи с антипольскими взглядами, например Антон Будилович, Платон Кулаковский и Иван Филевич. Антон Будилович, видный славист и активный участник панславянского движения, стал в 1881 году деканом историко-филологического факультета Варшавского университета, где создал кружок ученых-националистов. Его роль в процессе русификации еще больше возросла, когда он был назначен ректором Варшавского (1890–1892 годы), а затем — Дерптского (1892–1901 годы) университета. В последнем случае его главная забота состояла в том, чтобы преобразовать Дерптский в русский Юрьевский университет¹⁸. Тайный советник, профессор Будилович был родом из Гродненской губернии, происходил из семьи белорусского духовенства и уже в молодые годы принимал активное участие в процессе русификации в области образования и науки в западных губерниях Российской империи. Он был женат на дочери известного деятеля карпаторусского движения Адольфа Добрянского, и это сблизило Будиловича, как замечает Евфимий Карский, с восточнославянскими регионами Габс-

17. Сикорский И. А. О психологических основах национализма. Киев: Типография Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1910. С. 7–9.

18. Карский Е. Ф. А. С. Будилович. Варшава, 1909. С. 11.

бургской империи. Профессор был назначен членом Совета Министерства народного просвещения в 1901 году и впоследствии стал активным деятелем консервативных кругов в имперской столице, а также автором разных публицистических сочинений. В 1902 году 52 представителя академического мира, духовенства, бюрократии и дворянства основали в Санкт-Петербурге Галицко-русское благотворительное общество¹⁹. Будилович стал первым его председателем и главным лицом первых годов существования общества.

Вокруг Будиловича сосредоточились и другие ученые, которые поддержали позицию первенства русских интересов в научной и повседневной жизни западных окраин Российской империи, когда в Прибалтике и юго-западных провинциях (нынешние Белоруссия и Украина) начало расти влияние польской и немецкой элит, национальные проекты которых могли стать угрозой для империи. «Русское собрание» — первая русская националистическая организация, основанная осенью 1900 года, — было направлено и против «инородческого» сепаратизма. Среди первых членов, кроме Будиловича, — историк из Финляндии генерал Михаил Бородин, юрист Николай Сергеевский, профессор Академии Генерального штаба и генерал Аким Золотарёв и др. Эти деятели открыли Окраинный отдел «Русского собрания», чтобы изучать национальные окраины империи и бороться с сепаратизмом. Будилович и его коллеги оказали влияние и на другие общества. Напомним, что бывший ректор Юрьевского университета возглавил Галицко-русское благотворительное общество, а Платон Кулаковский стал заместителем председателя Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. Они внесли большой вклад в создание понятия «русскости» в языке русского националистического движения.

Стоит обратить внимание на то, как юные годы и славянофильство сформировали понятия и дискурсы, используемые кругом Будиловича. Вместе с Кулаковским будущий филолог, в то время еще молодой, принимал участие в Славянском съезде в Москве в 1867 году. Мероприятие, которое посетили такие деятели, как лидер чешских патриотов Франтишек Палацкий, стало очень значимым для славянофилов и для нового поколения²⁰. Стихи Пого-

19. Галицко-русское благотворительное общество в С.-Петербурге. СПб.: Пушкинская скоропечатня, 1903. С. 3–4.

20. Никитин С. А. Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М.: Московский университет, 1960. С. 188.

дина, написанные перед съездом, зафиксировали типичное для этих кругов восприятие:

На землях славян заря горит,
Се жених грядет во полунощи.
«Едем, братья, на Святую Русь,
Повидаем богатырь-братьев...»
Поздно вечером не спит Москва,
Братья кровные беседуют...
Тысячу лет мы не видались²¹.

Платон Кулаковский, родом из Паневежиса Ковенской губернии, с юных лет был противником польского национального движения. Выходец из семьи священника-малоросса, в юности он окончил гимназию не в своем городе, а в Вильно, поскольку в 1864 году в Паневежисе городская гимназия была закрыта властями из-за Польского восстания. В 1866 году Кулаковский поступил в Московский университет на историко-филологический факультет. Москва являлась центром славянофильства тех времен; влияние Ивана Сергеевича Аксакова и Самарина было очень сильно среди студентов Московского университета, а славянский вопрос воспринимался как потенциальное оружие против Австрии. Превращение Габсбургской империи в конкурента, особенно на Балканах, и ее преобразование в двуединую монархию позволили использовать национальное движение славян в Австро-Венгрии²². В формировании культурно-политических воззрений Кулаковского большую роль сыграли сочинения Михаила Каткова, на него в значительной степени повлияли и взгляды известного публициста по поводу польского вопроса. Этнограф и антрополог Александр Башмаков так охарактеризовал воззрения Кулаковского:

Как сын западнорусского края и человек, родившийся в семье священника на окраине, где духовенство сослужило историческую роль в отстоянии русской народности от натиска иноземной культуры и гнета, Платон Андреевич всю жизнь соеди-

21. [Погодин М. П.] К братьям-славянам // Русский. 01.05.1867. № 197 (цит по: Майорова О. Славянский съезд 1867: метафорика торжества // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 89–110. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/51/mayor.html>).

22. Hroch M. Social Preconditions of National Revival in Europe: A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups Among the Smaller European Nations. N.Y.: Columbia University Press, 1985. P. 23.

нял в тесной, неразрывной связи свою славянофильскую веру с живым сознанием задач нашей русской государственности на окраинах России²³.

Молодой славист преподавал в гимназиях Москвы и Владимира с момента окончания университета в 1870 году и до 1876 года, когда он получил годичный отпуск после шести лет службы и начал свою долгую заграничную командировку на славянских землях Австро-Венгрии. Филолог посетил Чехию, Моравию, Словению и Хорватию, во время поездки встретил Константина Яковлевича Грота. Вернувшись в Москву, Кулаковский женился и продолжил преподавательскую работу. Волнения на Балканах и русско-турецкая война для него имели большое значение. Уже во время командировки Кулаковский стал печататься в газете «Московские ведомости»²⁴. Зимой 1877 года он был назначен преподавателем на кафедре русского языка и словесности при Великой школе в Белграде, где и прожил до 1882 года. Пребывание в Белграде предоставило ученому возможность проводить исследования и писать диссертацию на тему «Вук Караджич, его деятельность и значение в русской литературе», которую он защитил в России в 1882 году. Но Кулаковский был вынужден покинуть Сербию из-за нового внешнего проавстрийского политического курса, который принял Милан Обренович²⁵. После возвращения на родину спустя два года Кулаковский был назначен лектором русского языка в Варшавском университете и сразу стал одним из заметных русских консервативных деятелей в городе. В 1886 году филолог стал редактором газеты «Варшавский дневник»²⁶. Это место он занимал до 1892 года, когда получил профессорскую должность. Уже во время своей редакторской деятельности и работы в газете Кулаковский неоднократно и горячо высказывал свою антипольскую точку зрения. Его задача состояла в том, чтобы

23. Hillis F. Op. cit. P. 70–71.

24. Savino G. Il nazionalismo russo. P. 134.

25. Грот К. Я. Платон Андреевич Кулаковский. СПб.: Сенаторская типография, 1915. С. 9.

26. Александр Герцен в 1860-х годах называл газету «пристанищем шпионов и провокаторов», «помойной ямой», «органом Муравьева и Берга, грабивших Польшу» (Репников А. В. Варшавский дневник // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века / Под ред. А. В. Репникова. М.: РОССПЭН, 2010. С. 87–88). Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900–1917. С. 272.

...освещение славянских дел, конечно, было только с русской точки зрения и имело в виду только интересы России, с которыми... совпадают истинно народные интересы всех славян²⁷.

Карьера профессора получила неожиданный поворот в 1902 году, когда ему предложили стать главным редактором «Правительственного вестника» — официального органа Министерства внутренних дел Российской империи. Это место он покинул вместе с должностью чиновника МВД, после назначения Сергея Юльевича Вите председателем Совета министров²⁸.

Революция 1905 года стала моментом истины для разных национальных движений: события в Польше и на западных окраинах (в Закавказье и Финляндии) показали, что наряду с социальными лозунгами для общества главной темой стало национальное самосознание. Используя категории известного чешского исследователя Мирослава Хроха, можно сказать, что в то время, когда активисты начали вести целенаправленную пропаганду среди населения, чтобы превратить его в нацию, поляки и финны находились между фазами *B* и *C*, а целый ряд других национальностей — в фазе *B*²⁹. Сила этих движений превратилась в проблему не только для имперских властей, но и для интеллектуалов, придерживавшихся националистической точки зрения. В марте 1906 года стал выходить журнал «Окраины России», целью которого было поддерживать и укреплять борьбу за «единство, нераздельность и целостность России». Во вступительной статье первого выпуска, в которой отсутствовала подпись автора, сразу были обозначены задачи журнала:

Россия переживает в настоящее время величайший переворот в своей внутренней жизни. В постигших ее бедствиях и смуте с особою силою проявился сепаратизм окраин, нашедший поддержку даже среди некоторых русских политических партий. Идет проповедь обособления окраин, расчленения России. Финляндия быстро идет к личной унии. Поляки, стремясь к политической автономии Польши, изгоняют русских людей и русский язык из государственных учреждений и поднимают польское знамя на Западе и Юге России; армяне, грузины и другие кавказские народы мятежом и разбоем добиваются особых прав, ослабляющих связи и устои русской державы. Сама правительственная власть делает уступки новым течениям, словно

27. Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900–1917. С. 272.

28. Грот К. Я. Платон Андреевич Кулаковский. С. 14.

29. Hroch M. Op. cit. P. 23.

идя навстречу сепаратистским стремлениям окраин. Кто исповедует принцип единства, нераздельности и целостности России, тот не может мириться ни с чем подобным и не может не страшиться за будущность России³⁰.

Революция, разрушение власти и упадок российской государственности произошли благодаря совместной деятельности русских политических партий и сепаратистов на окраинах. Этот аргумент уже в середине XIX века использовался русскими консерваторами в Киеве³¹, но в глазах редакции в то время не одна окраина находилась в опасности, а государство в целом:

... [поэтому данный] кружок русских людей предпринимает совместными силами и пожертвованиями издание еженедельной газеты «Окраины России», в которой должен найти место голос тех, кто крепко стоит за целостность России, любит величественную историю Русского государства, верует в будущность Российской империи и дорожит ею единством, пользою, честью и славою. Интересы и нужды русских людей, живущих на окраинах, и инородцев, преданных России, найдут в ней защиту³².

Необходима защита, которая, по мнению авторов, должна быть решительной и строгой. Причины тому описываются так:

В тумане политической смуты, которая охватила наше отечество, является стремление нарушить государственное единство России. Враги Русского государства очень хитро и более ловко, чем искусно, связали свои сепаратистские вожеления и свой поход против единой России с так называемым освободительным движением³³.

Врагами России объявлялись кадеты и социалисты, которые, по мнению неизвестного автора, выступали против единства российского государства в отличие от декабристов и их руководителя —

Пестеля, (который) требовал даже полного, насильственного обрусения Финляндии и называл сохранение финляндской автономии изменою России, [при этом] под флагом политической свободы и конституционного устройства началась какая-то оргия

30. Окраины России. № 1.

31. Hillis F. Op. cit. P. 66–67.

32. Окраины России. № 1.

33. Там же.

самоунижения и самоистребления русского человека и русской национальности³⁴.

Космополитизм и интернационализм назывались главными противниками коллектива авторов журнала и иногда представлялись более опасными врагами, нежели другие народы империи, потому что эти идеи происходили из центра и могли нарушить «монолитный» характер государственного единства. В понимании националистических интеллектуалов народности империи имели разную степень развития в рамках имперского общества: народы Центральной Азии и Арктики занимали самые последние места. Миссия русского человека в Азии была, таким образом, миссией цивилизации в рамках борьбы культуры против природы, где наука и религия стали главным элементом «бремени белого человека» в имперском пространстве:

Русский земледелец, промышленник, торговец, продвигаясь вперед на широкий простор Востока, несли туда культурные условия жизни, насаждали гражданский строй, являлись цивилизаторами. Идя с православным крестом к магометанам, буддистам, язычникам, русский колонист являлся проповедником христианской морали и нравственно поднимал уединенного якута, вольного маньчжура, подвижного киргиза — этих простых сыновей природы, приобщая их к новому миру идеи человечества³⁵.

Православный крест репрезентировался как символ русской цивилизации и идентичности для «природных племен» (данное выражение часто используется в разных выпусках журнала применительно к азиатским народам) и как оплот русской нации против Запада и католицизма. Вместе с тем противостояние с католическим духовенством в западных губерниях приобретало весьма острые формы, поскольку быть католиком в тех регионах означало быть поляком или находиться во власти польского национального культурного дискурса. Присутствие шляхты в регионах «западной Руси» представляло угрозу для государственных интересов. Образ поляка использовался не только для конструирования представлений о национальном враге «малоросса»³⁶, но также для создания образа социального противника

34. Там же.

35. *Украины России*. № 1. Первый выпуск журнала вышел весной 1906 года, в разгар первой русской революции, и был посвящен политическим задачам издания.

36. *Hillis F. Op. cit.* P. 70–71.

православного батрака. Подобной точки зрения придерживался Владимир Алексеевич Бобринский, депутат Государственной Думы II–IV созывов и лидер фракции националистов³⁷. Римско-католическое исповедание также считалось проводником польского господства. Оно препятствовало использованию русского языка, и на протяжении века предпринимались попытки провести полонизацию населения:

В XIX веке, уже при русском правительстве, католицизм стал все активнее и решительнее сливаться с полонизмом, явилось отождествление католика и поляка, и в Северо-Западном крае есть целыя местности, в которых католики, говорящие по-русски, русские люди по происхождению и нравам, учатся польскому языку исключительно ради костела и ксендза, не допускающего ни молитвы, ни исповеди по-русски³⁸.

Антиполонизм — можно сказать, самое главное направление деятельности журнала. Кулаковский оставался издателем журнала и после смерти Будиловича в конце 1907 года. Он был идейным вдохновителем и «мотором» редакции; неоднократно писал статьи, посвященные польскому вопросу и неославизму, издавал брошюры под общим названием «Русский — русским». Журнал пытался показать путь в «русскую национальную политику»: все окраины империи стали объектом его исследований, но наибольшее внимание уделялось губерниям западного края и Привислинскому краю. Журнал «Окраины России» активно пропагандировал отделение региона Холма (ныне — *Chełm*, Польша) от Люблинской губернии Царства Польского, потому что он был населен «русскими батраками». Но там жили и крестьяне-грекокатолики, которые говорили на местном украинском наречии. Грекокатолическая церковь, возможно, была даже хуже римской в глазах русских националистов, а «воссоединение» с православием Холмской епархии превратилось в аргумент полемики с аксаковским журналом «Москва»³⁹. Но запрет униатского исповедания в 1875 году и переход местных храмов к православию оказались неэффективными⁴⁰ и не остановили деятельности священников, которые мог-

37. Savino G. Il nazionalismo russo. P. 134.

38. Окраины России. № 1.

39. Boudou A. Le Saint Siège et la Russie. Leurs relations diplomatiques au XIXe siècle. P.: Plon, 1925. Т. II: 1848–1883. P. 401.

40. Как отмечает Маттео Пиччин в своей диссертационной работе, реакции на воссоединение не были однозначными, в том числе в среде местной бюрократии: итальянский исследователь цитирует в подтверждение

ли рассчитывать на поддержку населения. В 1905 году, после манифеста Николая II об укреплении начал веротерпимости (Манифест от 17 апреля 1905 года), на Холмщине приняли католицизм 200 тыс. человек без какой-либо подготовки со стороны православной епархии, как вспоминал Евлогий:

Эта зима (1904–1905 годов) облегчения не принесла. Неудачи на войне стали сказываться: неудовольствие, возбуждение, глухой ропот нарастали по всей России. Гроза медленно надвигалась и на нас. Она разразилась над Холмщиной весной (1905 года). Указ о свободе совести! Он был издан 17 апреля, в первый день Пасхи. Прекрасная идея в условиях народной жизни нашего края привела к отчаянной борьбе католичества с православием. Ни Варшавского архиепископа, ни меня не предупредили об указе, и он застал нас врасплох⁴¹.

Холм стал центром споров и дебатов о русском гражданском обществе благодаря усилиям Евлогия и редакции «Украины России». Еще в 1910 году Филевич так трактовал сущность холмского вопроса:

Холмский вопрос необходимо покончить раз навсегда, помня, что это гнездо нашей истории и культуры, что это громадный

своего тезиса фрагмент из письма И. С. Сидорского, главы школьного округа Вильна, И. П. Корнилову: «Униатское дело в б. Царстве П., сбившись с духовно-нравственного пути, попало неожиданно в руки полиции и вдруг, как *Deus ex machina*, явилось в образе, лучше сказать, в маске православия. Как бы то ни было, но Правительство признало совершившийся факт, и затем долг всякого русского гражданина, а тем более мой долг как маиоратиста, живущего среди униатов, состоял в том, чтобы тем или другим способом поддержать строящееся наскоро здание» (цит. по: *Piccin M. La politica etno-confessionale zarista nel Regno di Polonia: la questione uniate di Cholm come esempio di nation-building russo (1831–1912). Venezia: Università Ca' Foscari, 2010. P. 204*). Против превышений властных полномочий во время воссоединения протестовал и Катков, отмечая, что «в вероисповедном отношении эти населения стали нам чужими и мы не имеем никакой надобности вмешиваться в их церковные дела и блюсти чистоту их обряда. Пусть бы об этом заботился папа без помощи наших военных команд. Униаты отдали свою душу Риму: зачем же нам мертвое тело их обрядов?» (*Катков М. Н. Собрание передовых статей Московских Ведомостей. М.: 1897. С. 145–146*).

41. *Евлогий (Георгиевский В. С.). Путь моей жизни. Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. Париж: YMCA-Press, 1947. С. 150.*

наш западный фронт. И Россия не может успокоиться до полного объединения всей своей территории⁴².

Дискуссия вокруг Холмщины и ее будущего имела большое значение, потому что религиозный вопрос стал национальным, и сам Евлогий воспринимал такую задачу в рамках дискурса национальной идентичности:

Мне казалось, что в области религиозной он [холмский народ] уже многого достиг, но ему не хватает живого национального сознания, чувства родственного единства с Россией. Я будил национальное чувство, постепенно его раскачивал; может быть, и грешил, может быть, и перегибал. Но что было делать с народной беспамятностью, когда он забыл о своем русском корне и на вопрос «Где вы живете?» наивно отвечал: «В Польше...»⁴³

Холмская губерния была создана в 1912 году, после двухлетних дискуссий и 117 заседаний в Государственной Думе, что стало победой для журнала «Окраины России», активно боровшегося за принятие закона. Модель «русскости», которую продвигали авторы журнала, в своей гибкости оказалась эффективным орудием борьбы. Разумеется, профессора и интеллектуалы «Окраин России» всегда трактовали «русскость» в интересах русской государственности. С одной стороны, Юрий Николаев (псевдоним Юлии Данзас, статс-фрейлейны императрицы Александры) причислял карелов, которые говорили на финском языке, к русской нации, поскольку они были православными. С другой стороны, по мнению историка Ивана Филевича, католики, проживающие на белорусских и «малорусских» землях, тоже были русскими, потому что говорили «по-русски». Противоречия в журнале можно объяснить попыткой использовать разные критерии (религиозные, языковые и т. д.) для «национализации» многонациональной Российской империи. Для редакции было важно защищать русских и верных инородцев, преданных России, от угрозы сепаратизма. Эти задачи редакция поставила еще в первом выпуске журнала, в котором были размещены тезисы о России:

1. Россия — государство в одном территориальном целом. Русский народ и по историческому праву, и по численности,

42. Обзор русской периодической печати: Холмский вопрос (С 1 янв. 1909 г. по 1 окт. 1911 г.). СПб.: Государственная типография, 1912. С. 111.

43. *Евлогий (Георгиевский В. С.)*. Указ. соч. С. 149.

и по фактической силе дает ей свой облик и народный характер. Россия есть государство русское и по характеру, и по имени, и по задачам своей истории.

2. Окраины являются необходимыми для Русского государства, и каждое их обособление, каждое ослабление их связи с центром государства отзовется лишь новыми тяготами, ложащимися на народ-хозяин, на центр и главную массу населения, вызывает и вызовет необходимость нового напряжения сил русского народа.

3. Окраины России находятся в таком положении, что должны стремиться к теснейшему сближению с центром России не только в силу экономических и географических условий своего положения, но и в силу самосохранения и спасения своего народного облика. Ни одна из них существовать самостоятельно не может, ибо или станет добычей более сильного соседа, или погибнет во взаимной борьбе мелких соперничающих в ней сил и народностей⁴⁴.

Когда в 1908 году Николай Сергеевский вместе с редакцией журнала основал Русское окраинное общество (РОО), он поставил на первое место защиту русского населения (народность) и русской государственности (самодержавия). Руководство РОО подчеркивало, что там, «где нет православной или старообрядческой церкви... там нет и России». Кулаковский и его соратники поддерживали самодержавие и видели в правительственном курсе Петра Столыпина «прямой путь русской национальной политики». Как написал Кулаковский после гибели Столыпина, «твердая власть» была нужна, чтобы империя превратилась в «государство русского народа, национальное Русское царство».

Журнал «Окраины России» прекратил свое существование в декабре 1912 года, лишь за полтора года до начала «Великой войны». Но его влияние на правоконсервативные круги в III Государственной Думе было значительным. В журнале печатались граф Бобринский, Дмитрий Николаевич Чихачев, епископ Евлогий, все депутаты из фракции националистов.

В заключение отметим, что процесс *nation-building* и *empire-building* в Российской империи всегда был наполнен внутренними противоречиями. Вместе с тем, хотя хрупкие понятия «русскости», «нации» и «русского государства/царства» и продвигались элитами, все же они смогли повлиять на представления более ши-

44. Окраины России. № 1. С. 6.

роких сословий позднеимперского гражданского общества. Александр Филиппов, характеризуя этот процесс, полагает:

О том, что имперская идея, имперские границы, мотивация широких масс в отношении империи — вещи, в общем, достаточно хрупкие, абстрактные и широко приняты быть не могут. Это, скорее, элитная мотивация. Думаю, здесь я не ошибался, в том смысле, что сфера строительства империи — дело элит. Но недооценил инерцию каких-то фоновых имперских представлений⁴⁵.

Открытым остается вопрос об особом пути России, который в большинстве исследований по данной теме пока еще не позволяет сделать более широкие сопоставления. Марлен Ларюэль в своей статье о русском национализме как области научных исследований отмечает следующее:

«Русский национализм» по-прежнему воспринимается сквозь призму тезиса о «русской исключительности», который был сформулирован русскими мыслителями еще в XVIII веке, но который западные ученые по сей день, как правило, прямо или косвенно воспроизводят. Остается только сожалеть о том, что так мало исследований, сравнивающих русский национализм с национализмом в Западной или Центральной Европе либо рассматривающих российский и американский патриотизм как два во многом сходных явления⁴⁶.

Этот поход обеспечивает свои возможности и успехи в случае исследований журнала «Окраины России» и, более широко, в плане националистической интеллигенции в силу того, что подобные идеи зачастую формировались в тесном контакте и в интенсивном обмене с другими европейскими моделями и культурами.

45. Филиппов А. Ф. Другой мир — другая социология // Ускользающий мир: Сб. ст. М.: Московская школа политических исследований, 2004. С. 51.

46. Ларюэль М. «Русский национализм» как область научных исследований // Pro et contra. 2014. № 1–2. С. 58. URL: http://www.intelros.ru/pdf/Pro_et_Contra/2014_1_2/5.pdf.

Библиография

- Boudou A. Le Saint Siège et la Russie. Leurs relations diplomatiques au XIXe siècle. T. II: 1848–1883. P.: Plon, 1925.
- Hillis F. Children of Rus': Right-bank Ukraine and the Invention of a Russian Nation. Ithaca; L.: Cornell University Press, 2013.
- Hroch M. Social Preconditions of National Revival in Europe: A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups Among the Smaller European Nations. N.Y.: Columbia University Press, 1985.
- Miller A. The Romanov Empire and Nationalism: Essays in the Methodology of Historical Research. Budapest: Central European University Press, 2008.
- Miller A. The Ukrainian Question: The Russian Empire and Nationalism in the Nineteenth Century. Budapest: Central European University Press, 2003.
- Piccin M. La politica etno-confessionale zarista nel Regno di Polonia: la questione uniate di Cholm come esempio di nation-building russo (1831–1912). Venezia: Università Ca' Foscari, 2010.
- Savino G. Il nazionalismo russo, 1900–1917: Ideologie, organizzazioni, sfera pubblica. Tesi di dottorato. Napoli, 2012.
- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001.
- Галицко-русское благотворительное общество в С.-Петербурге. СПб.: Пушкинская скоропечатня, 1903.
- Грот К. Я. Иван Порфиревич Филевич. СПб.: Сенаторская типография, 1913.
- Грот К. Я. Платон Андреевич Кулаковский. СПб.: Сенаторская типография, 1915.
- Евлогий (Георгиевский В. С.). Путь моей жизни. Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. Париж: YMCA-Press, 1947.
- Кадио Ж. Лаборатория империи: Россия/СССР, 1860–1940. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
- Карский Е. Ф. А. С. Будилович. Варшава, 1909.
- Катков М. Н. Собрание передовых статей Московских Ведомостей. М.: 1897.
- Коцюбинский Д. И. Русский национализм в начале XX столетия. М.: РОССПЭН, 2001.
- Ларюэль М. «Русский национализм» как область научных исследований // Pro et contra. Январь–апрель 2014. № 1–2. URL: http://intelros.ru/pdf/Pro_et_Contra/2014_1_2/5.pdf.
- Майорова О. Славянский съезд 1867: метафорика торжества // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 89–110. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/51/mayor.html>.
- Могильнер М. Б. Homo Imperii. История физической антропологии в России. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
- Никитин С. А. Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М.: Московский университет, 1960.
- Обзор русской периодической печати: Холмский вопрос (С 1 янв. 1909 г. по 1 окт. 1911 г.). СПб.: Государственная типография, 1912.
- Окраины России. 05.03.1906. № 1.
- [Погодин М. П.] К братьям-славянам // Русский. 01.05.1867. № 197.
- Репников А. В. Варшавский дневник // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века / Под ред. А. В. Репникова. М.: РОССПЭН, 2010.

- Российская империя в сравнительной перспективе / Отв. ред. А. И. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
- Сикорский И. А. О психологических основах национализма. Киев: Типография Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1910.
- Тесля А. А. Первый русский национализм... и другие. М.: Европа, 2014.
- Филевич И. П. Программа для собирания сведений по этнографии Холмской Руси. Варшава, 1900.
- Филиппов А. Ф. Другой мир — другая социология // Ускользящий мир. М.: Московская школа политических исследований, 2004. С. 43–66.
- Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900–1917 / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008.

NON-RUSSIANS' PLOTS: POLES, JEWS, GERMANS, AND UKRAINIANS IN THE MINDS OF RUSSIAN NATIONALISTS IN THE EARLY 20th CENTURY

GIOVANNI SAVINO. Professor, Department of Liberal Arts, School of Public Policy, giovsv@gmail.com.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEP), 82 Vernadskogo ave., 119571 Moscow, Russia.

Keywords: Russian nationalism; Russian Empire; national identity; conspiracy theory; Okrainy Rossii.

On the cusp of the 19th and 20th centuries, the processes of nation-building and nation-oriented cultural hegemony began to play a significant role in the Russian Empire. The rise of nationalist movements in the borderlands of the empire had an impact on policies. Projects of nationalization began as early as the 1870s, with the progressive Russification of the Imperial Warsaw University, and the reformation of the Dorpat University into the Russian-speaking Iur'ev University. Reactions to the growing national unrest were not only of an administrative nature. They also had a cultural component, with the foundation of societies and organizations aimed to defend and promote the primacy of Russian interests, language and identity inside the imperial frame. Scholars pointed out that the Russian Nationalist project was fundamentally anti-imperial, but as the journal "Okrainy Rossii," published from 1906 to 1912, demonstrated, the processes of nation- and empire-building went together at the time.

The authors of the journal were intellectuals, bureaucrats and publicists who served or had origins in the Russian Empire's Western Borderlands: Anton Budilovich (former provost of Iurev University), Platon Kulakovskii (professor of Russian philology at the Imperial Warsaw University) and others who started their academic career in the 1870s, a key moment for the Panslavism movement in the context of the Russo-Turkish war of 1877–1878. "Okrainy Rossii" was a tool, for this circle, to affirm their cultural and political views about the destiny of the empire and the definition of Russian identity in relation to the other national projects, such as the Polish, German, and Ukrainian.

DOI: 10.22394/0869-5377-2017-4-67-83

References

- Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva* [Imagined Communities], Moscow, Kanon-Press-Ts, Kuchkovo pole, 2001.
- Boudou A. *Le Saint Siège et la Russie. Leurs relations diplomatiques au XIXe siècle. T. II: 1848–1883*, Paris, Plon, 1925.
- Cadiot J. *Laboratoriia imperii: Rossiia/SSSR, 1860–1940* [Le laboratoire impérial: Russie-URSS 1870–1940], Moscow, New Literary Observer, 2010.
- Chernaia sotnia. Istoricheskaiia entsiklopediia 1900–1917* [The Black Hundred. Encyclopedia of History 1900–1917] (ed. O. A. Platonov), Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii, 2008.
- Evlogy (Georgievski V. S.). *Put' moei zhizni. Vospominaniia Mitropolita Evlogiia (Georgievskogo), izlozhennye po ego rasskazam T. Manukhinoi* [My Life's Journey: The Memoirs of Metropolitan Evlogy (Georgieski), Laid out in His Words to T. Manukhina], Paris, YMCA-Press, 1947.

- Filevich I. P. *Programma dlia sobiraniia svedenii po etnografii Kholmnoi Rusi* [Program for Collection of Information about the Ethnography of Kholmian Rus], Warsaw, 1900.
- Filippov A. F. *Drugoi mir — drugaia sotsiologiia* [Another World — Another Sociology]. *Uskol'zaiushchii mir* [Elusive World], Moscow, Moskovskaia shkola politicheskikh issledovani, 2004, pp. 43–66.
- Galitsko-russkoe blagotvoritel'noe obshchestvo v S.-Peterburge* [Galician-Russian Benevolent Society in S. Petersburg], Saint Petersburg, Pushkinskaia skoropechatnia, 1903.
- Grot K. Ia. *Ivan Porfirevich Filevich*, Saint Petersburg, Senatorskaia tipografiia, 1913.
- Grot K. Ia. *Platon Andreevich Kulakovskii*, Saint Petersburg, Senatorskaia tipografiia, 1915.
- Hillis F. *Children of Rus': Right-bank Ukraine and the Invention of a Russian Nation*, Ithaca, London, Cornell University Press, 2013.
- Hroch M. *Social Preconditions of National Revival in Europe: A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups Among the Smaller European Nations*, New York, Columbia University Press, 1985.
- Karskii E. F. A. S. *Budilovich*, Warsaw, 1909.
- Katkov M. N. *Sobranie peredovykh statei Moskovskikh Vedomostei* [Collection of Moscow Gazette's Leading Articles], Moscow, 1897.
- Kotsiubinskii D. I. *Russkii natsionalizm v nachale KhKh stoletiiia* [Russian Nationalism in the Beginning of the 20th century], Moscow, ROSSPEN, 2001.
- Laruelle M. “Russkii natsionalizm” kak oblast' nauchnykh issledovani [“Russian Nationalism” as a Sphere of Scientific Study]. *Pro et contra*, January–april 2014, no. 1–2. Available at: http://intelros.ru/pdf/Pro_et_Contra/2014_1_2/5.pdf.
- Maierova O. *Slavianskii s'ezd 1867: metaforika torzhestva* [Slavic Congress 1867: Metaphorics of Celebration]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2001, no. 51, pp. 89–110. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/51/mayor.html>.
- Miller A. *The Romanov Empire and Nationalism: Essays in the Methodology of Historical Research*, Budapest, Central European University Press, 2008.
- Miller A. *The Ukrainian Question: The Russian Empire and Nationalism in the Nineteenth Century*, Budapest, Central European University Press, 2003.
- Mogil'ner M. B. *Homo Imperii. Istoriia fizicheskoi antropologii v Rossii* [Homo Imperii. History of Physical Anthropology in Russia], Moscow, New Literary Observer, 2008.
- Nikitin S. A. *Slavianskie komitety v Rossii v 1858–1876 godakh* [Slavic Committees in Russia, 1858–1876], Moscow, Moskovskii universitet, 1960.
- Obzor russkoi periodicheskoi pechati: Kholmiskii vopros* (S 1 ianv. 1909 g. po 1 okt. 1911 g.) [Review of Russian Periodicals: Kholmian Question (From January 1, 1909 to October 1, 1911)], Saint Petersburg, Gosudarstvennaia tipografiia, 1912.
- Okrainy Rossii* [Russia's Marginal Lands], March 5, 1906, no. 1.
- [Pogodin M. P.] *K brat'iam-slavianam* [To the Slavic Brothers]. *Russkii* [Russian], May 1, 1867, no. 197.
- Piccin M. *La politica etno-confessionale zarista nel Regno di Polonia: la questione uniate di Cholm come esempio di nation-building russo (1831–1912)*, Venezia, Università Ca' Foscari, 2010.

- Repnikov A. V. Varshavskii dnevnik [Warsaw Diary]. *Russkii konservatizm serediny XVIII—nachala XX veka* [Russian Conservatism in the Midst of XVIII and Beginning of XX centuries] (ed. A. V. Repnikov), Moscow, ROSSPEN, 2010.
- Rossiiskaia imperiia v sravnitel'noi perspektive* [Russian Empire in Comparative Perspective] (ed. A. I. Miller), Moscow, New Literary Observer, 2004.
- Savino G. Il nazionalismo russo, 1900–1917: Ideologie, organizzazioni, sfera pubblica. Tesi di dottorato, Napoli, 2012.
- Sikorskii I. A. *O psikhologicheskikh osnovakh natsionalizma* [About Psychological Grounds of Nationalism], Kiev, Tipografia T-va I. N. Kushnerev i K^o, 1910.
- Teslya A. A. *Pervyi russkii natsionalizm... i drugie* [First Russian Nationalism... and Others], Moscow, Europe, 2014.